

ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ PHILOSOPHY: UNIVERSE IN MAN AND MAN IN UNIVERSE

УДК 141(470):159.95

DOI: 10.24151/2409-1073-2018-3-71-84

Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Э. В. Ильенков: определение деятельностной природы мышления

Д. К. Куликов

*Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону,
Россия*

kuldk@mail.ru

Теоретическое значение отечественной культурно-исторической школы и деятельностного подхода в области изучения мышления сегодня, в условиях широкой популяризации и распространения теорий, выстроенных на материале психологии, антропологии, нейронаук, когнитивистики и исследований искусственного интеллекта, остается недооцененным. Поскольку концепция Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и Э. В. Ильенкова выглядит как недостаточно востребованная альтернатива эволюционному, нейронаучному и информационному взгляду на природу мышления, их идеи рассматриваются как моменты последовательной проработки сущности мышления на основе марксистской методологии. Констатируется, что в трудах трех российских ученых сложилась цельная теория мышления как познавательной деятельности, имеющей социально-историческое и культурное происхождение и специфичной именно для человека.

Ключевые слова: мышление; формы мышления; познание; культурно-историческая психология; деятельностный подход.

L. S. Vygotsky, A. N. Leontiev, and E. V. Ilyenkov: Identifying Activity Nature of Thinking

D. K. Kulikov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

kuldk@mail.ru

There are several integrated theories of thinking in the recent philosophy, built on the matter of psychology, anthropology, Artificial Intelligence, and neuro- and cognitive studies. Theoretical significance of Russian cultural and historical scholarly tradition as well as the activity approach in studies of thinking continues to stay underestimated. The conception of thinking, created

by L. S. Vygotsky, A. N. Leontiev, and E. V. Ilyenkov, seems to be less demanded alternative to the viewpoint proposed by evolutionary psychology, neuroscience, and informational approach. The author represents ideas of these Russian scientists as points of successive working out the nature of thinking on the basis of Marxist methodology. The author states that in their works was formed an integral theory of thinking as cognitive activity having historical and cultural genesis and pertaining exclusively to man.

Keywords: thinking; forms of reasoning; cognition; culture-historical psychology; activity approach.

Последовательная разработка методологических принципов психологии, на основе которых сложилась теория мышления, — одна из ярких страниц в истории отечественной науки. Концепция, разработанная Л. С. Выготским, его учениками и последователями, объясняет многие культурные и психологические феномены мышления и имеет обширное эмпирическое и педагогическое обоснование.

Помимо общенаучного и педагогического значения, теория мышления имеет серьезный философский вес, поскольку образует фундамент материалистического понимания человека. Труды Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и Э. В. Ильенкова дают нам картину последовательной проработки сущности мышления на основе общей марксистской методологии.

Приступая к построению общепсихологической теории, Л. С. Выготский нашел в диалектическом методе К. Маркса и его материалистическом понимании истории адекватный подход к истолкованию психики. Все *высшие психические функции* — мышление, речь, воля, воображение, самосознание и др. — *имеют социальное происхождение и историческую сущность*. По мере развития общества, производительных сил изменяются условия и характер психического развития человека.

Подход Л. С. Выготского, с одной стороны, был ориентирован на поиск *собственно человеческого* в психике,

с другой — сохранял положение о *естественном возникновении сознания* из биологических предпосылок. Источником специфически человеческой психики, сознательного отражения действительности является *труд*, тесно слитый с историческими условиями *общения*. Благодаря трудовой деятельности, сознание отражает мир избирательно и обобщенно, с точки зрения возможного будущего или действия, имевшего место в прошлом, т. е. осмысленно.

Инструментальное отношение к орудию позволяет человеку овладеть своим поведением. Открыв знак как орудие управления психическими процессами, человек овладевает и своим сознанием. Он использует узелок или метку для образования системы разнородных связей восприятия, воспоминания и реакции [1]. Метка представляет содержание другой связи, сохраненной в памяти, позволяет пользоваться памятью произвольно. Язык, математические символы, нотная грамота суть выработанные людьми культурные знаковые средства сознательного отражения действительности. Это также позволяет понять многие экзотичные явления в жизни людей — традиционные обряды, ритуальные действия, символы, необъяснимые с точки зрения «рациональных» критериев среднестатистического европейца. Выготский доказывал, что дело здесь не в рациональности, а в исторически возникших способах управления коллективным поведением, в настройке

коллективного сознания и соответствующего эмоционального тона. Детские рассуждения, вера в сказку — это тоже формы, отвечающие определенным потребностям развития.

Любая форма жизнедеятельности воспроизводится через онтогенез. Развитие ребенка начинается в социальных условиях общения, через которое ребенок получает средства культуры — орудия и знаки. Развитие идет в направлении культурной перестройки его натуральных, органических функций. Все средства развития высших форм умственной деятельности изначально находятся вовне индивида и не могут быть произведены индивидуальной психикой. Выготский показал, как развивающиеся психические функции образуют систему [2]. Каждая функция развивается не сама по себе, а во взаимодействии с другими. Это положение было экспериментально проверено Л. С. Выготским и его учениками. Учение о высших психических функциях и психологических системах стало методологической основой теории мышления в культурно-исторической психологии. В процессах развития и перестройки натуральных функций психики мышление играет ключевую и в некотором смысле «сквозную» роль. Для развития самого мышления важнейшее значение имеет речь. Здесь главным является положение о различных генетических корнях мышления и речи [3, с. 89].

В понимании Л. С. Выготского, опыты В. Кёлера доказали, что зачатки интеллекта у животных появляются независимо от речи и вне связи с ней. Они образуют доречевую фазу в развитии мышления. Вместе с тем у шимпанзе также обнаруживаются зачатки человекоподобной

речи [3, с. 92], однако эта «речь» является выражением эмоциональных состояний животного и не выполняет функции обозначения¹ [3, с. 93]. Она есть продукт групповой коммуникации обезьян и образует доинтеллектуальный этап развития речи.

Специфически человеческое мышление является вербальным. Это система, которая также возникает в онтогенезе. У ребенка выделяются: во-первых, доречевое инструментальное мышление (К. Бюлер) и сенсомоторный интеллект (Ж. Пиаже), во-вторых, эмоциональная речь, направленная на контакт с другими людьми (лепет, смех, крик). Примерно в возрасте двух лет векторы речи и мышления «перекрещиваются, совпадают в своем развитии и дают начало совершенно новой форме поведения, столь характерной для человека» [3, с. 103]. В жизни ребенка случается «величайшее открытие»: «всякая вещь имеет свое имя» (тезис В. Л. Штерна). С появлением у слова семантического свойства впервые возникает вербальное мышление [3, с. 103—104].

Все дальнейшее развитие мышления оказывается историческим и культурно опосредствованным. Речь развивается по отношению к мышлению, в процессе выражения и организации мыслей. Это видно на примере эгоцентрической и внутренней речи. Такая речь приобретает функции интеллектуального планирования и регуляции деятельности. Ребенок осваивает логические схемы, закрепленные в языке, — обобщение, сравнение, отвлечение и пр. Изучив историческое и онтогенетическое развитие, Л. С. Выготский описал специфическое формообразование — *комплексное мышление*, характерное для

¹ Обозначение, по Л. С. Выготскому, появляется вместе с указательным жестом. У шимпанзе наблюдается лишь переход от хватательного движения, выражающего изобразительным способом желание (например, взять банан), к указанию.

детей, а также для носителей примитивного обыденного сознания (туземцев, малограмотных) и для психически больных людей. Это допонятийный уровень мышления, в котором обобщение происходит по случайным признакам и неосознанно для самого субъекта. Высший уровень мышления — *логическое понятийное мышление* — «становится возможным только тогда, когда ребенок овладеет своими мыслительными операциями, подчинит их себе, начнет их регулировать и управлять ими» [4, с. 87]. Такое мышление стремится к объективному отражению предметного мира и предполагает рефлексивность, или, выражаясь словами Л. С. Выготского, способность к интроспекции [4, с. 89]. Эта способность формируется через приобщение ребенка к задачам, которые ставит перед ним социальная жизнь.

И комплексное, и логическое мышление — это формы, вербальные по своему происхождению. Они одинаковы по используемым языковым средствам и направлены на одно и то же объективное содержание, однако устроены по-разному. Механизм комплексного мышления предполагает, во-первых, *перенесение* значения слова *по ассоциации* на новые предметы, когда, например, выражение «вау-вау» последовательно охватывает предметы, попадающие в поле опыта и сходные в каком-то случайном отношении [3, с. 157–158]. Во-вторых, *партиципацию* — связывание двух предметов или явлений, объективно не имеющих между собой пространственных или причинных связей. В основе этого механизма — закрепление комплекса элементов фиксированным (фамильным) значением слова. Комплексное мышление развивается как объективное подчинение мыслительных процессов языковой стихии. Поэтому вне научной сферы развитие

значений носит, по Л. С. Выготскому, комплексный характер. Оно является также следствием устойчивой привязанности сознания к наглядной форме и сходству предметов.

Содержательный источник развития мышления, наряду с речью, — это функции обобщения и абстрагирования. Они, как полагает Л. С. Выготский, первоначально развиваются не на логических, а на рефлекторных основаниях, общих у человека с животными: сходные поводы вызывают сходные впечатления и закрепляются в поведенческих стереотипах. Начальные абстракции изолируют общие признаки практически знакомого круга предметов. Обезьяна, усмотрев функциональное значение палки, переносит эту функцию на другие предметы, имеющие с палкой какое-либо сходство. Здесь на уровне действенного мышления фиксируется функциональная общность предметов [3, с. 172]. У человека сближение абстрагирующей способности с вербальным мышлением происходит на стадии *псевдопонятия*. Это форма комплексного мышления, и проявляется она в распространении функциональных определений предмета. Комплексное мышление, в свою очередь, есть форма и этап развития вербального мышления, тогда как функциональное абстрагирование само по себе — это продукт развития наглядно-действенного мышления [3, с. 174].

Понятийное мышление возникает на этапе, когда субъект начинает осознанно применять мыслительные операции абстрагирования, сравнения, анализа и синтеза. Оно отличается от комплексного мышления содержанием значения, которое вложено в слово, а также способом его образования. В понятийном значении фиксируются существенно-общие признаки класса предметов, а его образование подчиняется

логическим отношениям общего и единичного. Понятийное мышление — это высший продукт взаимодействия мышления и речи. Его генетической основой является элементарное суждение, или связь значений, в которой выражено объективное логическое отношение. «Подобно тому как слово существует только внутри целой фразы и подобно тому как фраза в психологическом отношении появляется в развитии ребенка раньше, чем отдельные изолированные слова, подобно этому и суждение возникает в мышлении ребенка прежде, нежели отдельные, выделенные из него понятия» [3, с. 181].

Богатое содержание концепции Л. С. Выготского дает мощные методологические средства для изучения мышления и его формообразований. Вместе с тем следует учесть ряд критических оценок его трактовки мышления, высказанных разными авторами. Так, справедливо замечание А. В. Брушлинского, сделанное по поводу методики двойной стимуляции, использованной в известном опыте Л. С. Выготского и Л. С. Сахарова: «...она направляет <...> не столько на изучение того, как осуществляется субъектом <...> все более глубокое отражение объекта, сколько на раскрытие <...> стадий в овладении интеллектуальными функциями посредством употребления слова-знака. Мышление трактуется прежде всего как оперирование словом или другим знаком; в значительно меньшей степени учтено, что оно есть оперирование объектами <...> определенными в понятиях» [5, с. 25]. Такая ограниченность трактовки мышления обусловлена тем, что обобщаемое в понятии содержание Л. С. Выготский брал как неизменное и заданное субъекту. Однако существенной стороной познания является изменение предмета, его производство и включение в новые

связи, выделение в нем новых свойств и отношений. Именно такое внутреннее многообразие предмета образует содержание понятия и глубину отражения им действительности.

У Л. С. Выготского можно отметить существенную редукцию человеческого мышления к языку. Он полагал понятие единицей мышления, однако часто для него понятие было значением слова. Такое сведение является причиной путаницы в определении сущности понятия как формы мысли. Различая комплексное и понятийное мышление, Л. С. Выготский указывал различный путь формирования обобщений на этих стадиях. Вместе с тем он анализировал отношение житейских (спонтанных) и научных понятий. Осталось неясным, признавать ли понятийную форму для комплексного мышления, или можно говорить лишь о функциональных эквивалентах понятия в нем. Выготский писал: «Можно сказать, что усвоение научных понятий в такой же мере опирается на понятия, выработанные в процессе собственного опыта ребенка, как изучение иностранного языка опирается на семантику родной речи. Подобно тому как в этом последнем случае предполагается наличие уже развитой системы значений слов, так и в первом случае овладение системой научных понятий предполагает уже широко разработанную понятийную ткань, развившуюся с помощью спонтанной активности детской мысли» [3, с. 204]. Профессор В. М. Розин удачно показал, что теория Л. С. Выготского движется в пространстве двоякого понимания мышления. С одной стороны, используется семантический подход к определению мышления: *мышление есть выработка и оперирование обобщенными значениями*, образующими содержание понятий. С другой стороны, мышление определяется как сознательная

мыслительная деятельность: *мышление есть решение задач, логическое использование понятий* [6, с. 46—47]. Четкого решения возникающих здесь противоречий у Л. С. Выготского нет, и переходы между этими двумя планами мышления определяются у него, скорее, методологическими целями, нежели логическими основаниями.

Многие трудности теоретического определения мышления были разрешены в деятельностной психологии. Согласно А. Н. Леонтьеву, марксистский подход требует преодоления как метафизической редукции мышления к чувственному уровню психики, так и идеалистического противопоставления мышления чувственности. Леонтьеву удалось сформулировать принцип, раскрывающий связь познания, мышления и языка через практическое отношение общественного человека к миру.

В статье для «Философской энциклопедии» [7] А. Н. Леонтьев охарактеризовал мышление как высшую ступень познания, которая дает человеку знание существенных свойств, связей и отношений объективной реальности. Мышление есть не прямое и сложно опосредствованное отражение действительности, преодолевающее ограничения чувственного познания через *переход от явления к сущности*.

Мышление генетически и функционально укоренено в практике. Практика человека — это труд, формирующий познавательное отношение к действительности, которое и является контекстом и условием развития мышления. Опосредованность мышления и его объективность А. Н. Леонтьев видел в совокупном практическом опыте и накопленной системе знания. Отдельный человек становится субъектом мышления, овладевая языком, понятиями, логикой, которые являются продуктами

общественно-исторического развития. Язык и формы обобщения знаний возникли в ответ на потребность их фиксации и передачи другим людям.

В курсе лекций, прочитанных в МГУ в 1973—1975 гг. [8], А. Н. Леонтьев рассмотрел общетеоретические и философские вопросы теории мышления. Принцип деятельности позволяет преодолеть ряд следующих трудностей. Так, удастся обосновать *различие логического и психологического подходов*. Логическое мышление, среди других форм, выделилось в ходе исторического развития. Его особенность — в несводимости по форме и содержанию как к субъективно-психологическим механизмам (ассоциациям, обобщениям), так и к нейрофизиологическим процессам. Логические законы, которым подчиняется рассуждение, — это выделенные общественной практикой и закреплённые в форме знания всеобщие закономерности объективного мира. Человек осваивает их не на основе индивидуального опыта, а обучаясь мышлению в процессе деятельности и общения [8, с. 329]. Культурная обусловленность логической формы мысли позволяет объяснить те виды мышления, которые нельзя считать логико-понятийными: мышление *ребенка*, мышление в *творчестве*, мышление при *психопатологии*. Все они не осуществляются в дискурсивной логической форме, но тем не менее являются мышлением. Это также дает ключ к изучению культурно-исторических типов мышления. Изложенные в работах Л. Леви-Брюля, Р. Турнвальда и других ученых феномены мышления примитивных народов соответствуют низкому уровню социально-экономического развития [8, с. 330].

Критерий определения мышления должен давать ответы на вопросы: чем мышление *отличается* от не-мышления

и в чем *специфика человеческого мышления* по сравнению с интеллектуальными способностями животных? Для определения сущности мышления недостаточно использовать противопоставление чувственного и рационального познания, поскольку есть и необходимая связь этих уровней. Мышление осуществляется не только в абстрациях, словесные обобщения включены в процессы восприятия, а само восприятие создает чувственные обобщения. Три фундаментальные формы мышления: симпрактическое, или наглядно-двигательное; визуальное, или наглядно-образное; дискурсивное [8, с. 332] — должны быть объяснены исходя из единого генетического корня. Этим корнем является чувственно-практическое отношение человека к природе.

Чувственный уровень познания реализуется в непосредственном взаимодействии субъекта и объекта. В мышлении познается устанавливаемое субъектом *отношение между объектами*. В направленности на это отношение, в познании одного объекта через другой реализуется выход за пределы чувственно-воспринимаемой непосредственности [8, с. 334]. Проникновение в межпредметные отношения А. Н. Леонтьев сравнил с двухходовкой в бильярде, когда удар требует расчета взаимодействия шаров. Восприятие же подобно прямому удару в лузу [8, с. 336]. Активность субъекта на уровне мышления проявляется в установлении предметных отношений, которые дают возможность судить о недоступном чувствам содержании через доступный восприятию объект. Схемы межпредметных отношений, отделенные мыслью от самих предметов и обобщенные, образуют содержание логики и инструмент теоретического познания. «Тогда и получается решение парадокса: ничего в мышлении нет, кроме того, что было дано

в ощущении, в восприятии, в познании. Но границы нашей чувствительности не являются границами познания, потому что, изучая взаимодействия вещей, мы открываем те свойства, которые во взаимодействии “познающий субъект — объект” не открываются нам» [8, с. 335]. Эксперимент, производственное действие, отвлеченное от своего результата, — суть сложные развитые формы познавательной активности. Познавательное действие отличается от последовательности проб и ошибок, поскольку проба регулируется сознательной целью получить знание, а не случайный успех. Даже поведение высших животных ориентировано текущей потребностью: избежать удара, выбраться из клетки, схватить пищу и др.

Мышление — это специфически человеческая деятельность, отвечающая познавательному мотиву [8, с. 341]. Ориентировочно-исследовательская деятельность животных, рефлекторная по своему строению и механизму, тоже имеет специфически познавательную мотивацию, которая еще не породила мышление [8, с. 342]. Наличие познавательной мотивации отличает мышление от компьютерных операций, поскольку они имеют лишь внешние признаки интеллектуальной деятельности. Логические и математические операции — это «способы выполнения мыслительных действий» [8, с. 344]. Однако те из них, которые не предполагают познавательной мотивации (например, операции кассира в магазине или банке), — не являются мышлением, так же как и процессы в компьютере.

Мышление имеет единственный источник в чувственности, однако дает больше, чем чувственность [8, с. 347]. При этом отражение «существенного» в предмете само по себе не передает сущности мышления. Поведение животного

объективно ориентировано существенным содержанием среды [8, с. 348]. Специфика мышления заключена в особом типе познания, типе обобщения, особенностях операций. Мышление порождено задачами практики человека, которая выполняется в разных условиях и имеет разные формы. Полиморфность — это результат развития мышления, а не исходное его состояние. «Генетически более ранние и более простые формы мышления не просто отмирают, исчезают в ходе дальнейшего развития. Они сохраняются, но сохраняются уже в преобразованном, трансформированном виде. <...> Логическое дискурсивное мышление, появляясь, не отменяет и не отбрасывает более ранние формы мышления. Оно вбирает их в себя, преобразует их, трансформирует, но не прерывает связей с ними» [8, с. 350]. Мышление, во всех его формах, — это продукт усложнившегося поведения, выделения собственно познавательной, подготовительной фазы в деятельность [8, с. 351]. Деятельность, порождающая мышление, должна быть опосредована особым типом общения — производством (общения в процессе производства, в производственной жизни), в условиях которого у людей появляется предмет коммуникации². Встреча пред-мышления и пред-речи происходит в процессе этой деятельности. Леонтьев внес в идею Выготского весомый момент: помимо непрерывно развивающегося взаимодействия мышления и речи, известно отделение собственно познавательной деятельности от практики [8, с. 352], — отделение социально-исторического характера, в условиях дифференциации

трудовой деятельности и абстрагирования собственно умственной. При этом А. Н. Леонтьев указывает на важное обстоятельство: не все задачи решаются теоретически, более того, есть задачи, которые могут быть решены только практически или образно [8, с. 353—355].

«Мыслит личность» — так можно резюмировать философско-психологический анализ А. Н. Леонтьева. Мышление всегда мотивировано к познанию, оно возникает в ответ на потребности социальных условий жизнедеятельности. У Э. В. Ильенкова этот вопрос получил гносеологическое и творческое заострение: единство общественного (исторического) и индивидуального (психологического) поставлено им в соответствие к сознательному отношению человека к прогрессу деятельности и знания.

Понятийное отражение Л. С. Выготский брал во многом формально: он интересовался не столько содержанием понятий, сколько их функциональной ролью в системе мышления. Для Э. В. Ильенкова индивидуальное сознание (его форма и содержание) стало функцией общественного целого. Он рассматривал культурную форму сознания исторически конкретно, а развитие мышления — определенным логикой содержания. Его внимание было сосредоточено на истории научно-теоретического мышления, *генезисе и формах понятийного мышления*.

Психика, согласно Э. В. Ильенкову, развивается из активного движения тела в пространстве, в связи с формированием его органических структур: рук, систем чувствительности и мозга. В согласии с И. М. Сеченовым, с его положением

² «Появление человека и образование человеческого общества, иначе говоря, возникновение труда и, следовательно, связей человека с человеком в общественном процессе труда приводит к необыкновенному событию: скрещиванию линий развития коммуникации, то есть речевого общения, и развития познания, то есть интеллекта. Общение и познание завязываются в узел» [8, с. 361]. Не просто жест производит мышление, но *рабочее движение*, в котором значение приобретает обобщенно-общественный характер.

о мысли как заторможенном действии, он считал, что *управление функциями торможения* есть необходимая предпосылка сознания [9]. Мышление развилось не из рассудочной деятельности животного, не из абстрактного труда, а из актов совместного *упорядочивания производственной жизни* в целом. Если в понимании Л. С. Выготского мышление человека производно от знаковой функции слова, то для Э. В. Ильенкова источником условных связей и знаковых функций в общении служит отношение предметов, создаваемое человеком в процессе труда [10, с. 402].

Мышление полагает своему осуществлению логическую форму. В движении тела оно реализует не любой, а именно логический контур, выражающий сущность предмета. Логический контур всегда идеален по содержанию, хотя выступает в виде телесных движений, образов воображения, умозаключений. Человек создает материальные средства представления сущности предметного мира. Его телесное действие обладает признаком мышления, если оно определено всеобщим способом (идеально). Такое поведение дано в структуре целого, и у изолированного индивида не складывается. Только система социального поведения взаимодействующих людей включает в себе идеальное как раскрытую сущность действительного мира. Необходимо объяснить, как существуют логические структуры, регулирующие использование индивидом языка, рассуждений, предметной деятельности. Правильно ли считать их врожденными структурами головного мозга (нативизм Н. Хомского, современная эволюционная психология)? Или это всеобщие структуры духа, вселяющиеся в душу человека до освоения им опыта предметной деятельности, языка и логики мышления (идеализм Платона)?

О «глубинных структурах», выявленных Н. Хомским, Э. В. Ильенков писал так: они «действительно складываются в онтогенезе, в процессе развития ребенка раньше, чем он становится способным говорить и понимать речь. И не нужно быть марксистом, чтобы увидеть их очевидную, можно сказать, осязаемую реальность в образе *сенсомоторных схем*, т. е. схем непосредственной деятельности становящегося человека *с вещами и в вещах* в виде сугубо телесного феномена — взаимодействия одного тела с другими телами, вне его находящимися. Эти сенсомоторные схемы, как их именует Пиаже, или “глубинные структуры”, как их предпочитают называть лингвисты, и есть то самое, что философия издавна титулует логическими формами, или формами “мышления как такового”» [11, с. 272]. Ильенков развивал положение деятельностной теории: предметное действие лежит в основе и языка, и мышления. Ребенок начинает свое развитие, обращаясь с предметами культуры и усваивая социальные нормы. На это обстоятельство специально указывал и Л. С. Выготский, характеризуя отличие животного интеллекта от человеческого.

Сенсомоторная схема — это развернутая во времени схема движения тела, конгруэнтная пространственно-геометрической форме вещи. «Это *одна* и та же *схема*, один и тот же контур, только один раз симультанно-фиксированный, застывший контур вещи, а другой раз — сукцессивно-развернутый во времени, как контур движения, как траектория этого движения, оставляющего пространственно фиксированный след, по которому это движение и ориентируется» [11, с. 273]. Если понимать мышление в таком *широком* смысле — как способность управлять движением своего тела в пространстве ситуативного

взаимодействия с другими телами, то мышлением обладают и животные. Однако суть в другом. Сенсомоторные схемы человеческой деятельности «завязываются как схемы деятельности с вещами, созданными человеком для человека, и воспроизводят логику “опредмеченного” в них разума, общественно-человеческого мышления» [11, с. 273]. Вещи, с которыми обращается ребенок, имеют не биологическое, а общественно-историческое значение. Их производство и появление в опыте ребенка имеет объективный характер, и именно на основе этих схем у человека развиваются и схемы мышления, и схемы языка.

Общий марксистский подход к пониманию мышления Э. В. Ильенков раскрывает следующим образом. Мыслит не метафизическое Я и не «Разум» гегелевского идеализма. Мозг также не мыслит. Не мыслит и человек в непосредственном единстве с природой. «Мыслит лишь человек, находящийся в единстве с обществом, с производящим свою материальную и духовную жизнь общественно-историческим коллективом» [12, с. 212]. Именно такое понимание мышления отличает историко-материалистический подход от метафизики и идеализма. С Платона, согласно Э. В. Ильенкову, берет начало объективно-идеалистическое понимание мышления. Будучи первооткрывателем идеального в объективном качестве, Платон не понял его истинной сущности. Его идеализм возник из сплавления предметного содержания и схем предметной деятельности человека. Платон не понял, что идея, представляемая им как вечная сущность вещи, которая диктует логику ее формы и нормы действия с ней, — суть всеобщая мера, выработанная поколениями людей как эталон для воспроизведения предметности в той

или иной сфере их жизнедеятельности. Художественная, поэтическая и теоретическая форма идеи — это мысленное выражение того, что возникло в предметном совместном действии.

Объективный идеализм Э. В. Ильенков объясняет как закономерно возникающий вид теоретического мышления [13]. В идеалистическом мышлении идеальные формы считаются вечными основаниями бытия, поскольку в них находят выражение весомые моменты предметной деятельности. «Основной факт, на почве которого выросли классические системы объективного идеализма, — это независимость совокупной общественной культуры и форм ее организации от отдельного человека, и более широко — вообще превращение всеобщих продуктов общественного производства (как материального, так и духовного) в особую, противостоящую индивидам социальную силу, господствующую над их волей и сознанием» [12, с. 213]. Идеалисты не могут разглядеть в идеальном материальную природу, измененную общественной практикой людей и превращенную разумной деятельностью в культурную схему.

Именно изучение деятельности общественного человека раскрывает сознанию чисто объективную картину природы. В ней предмет дан в двух модальностях — до того, как он стал результатом труда, и после. «Следовательно, только практика способна разрешить вопрос, какие черты предмета, данного в созерцании, принадлежат самому предмету природы, а какие привнесены преобразующей деятельностью человека, т. е. субъектом» [12, с. 215]. Практика — это посюсторонняя основа мышления и источник его истинности. Мышление как индивидуально-психологический процесс определено

объективно складывающимся содержанием общественного сознания. Культура, пишет Э. В. Ильенков, «развивается вовсе не по законам психологии, так как развитие общественного сознания не простая арифметическая сумма психических процессов, а особый процесс, в общем и целом управляемый законами развития материальной жизни общества. А они не только не зависят от воли и сознания отдельных лиц, но и, наоборот, активно детерминируют волю и сознание» [12, с. 227].

Изучая психологический и логический подходы к мышлению, Э. В. Ильенков не только углубляет их различие, но и диалектически связывает их. Индивидуальное мышление существует лишь постольку, поскольку индивид усвоил всеобщие (логические) определения мысли, сложившиеся до него. Научное раскрытие природы мышления не может быть психологическим. Должна быть разработана логика, адекватная истинной сущности мышления, — *диалектическая логика*, построенная на теоретических основаниях материалистического понимания истории. «Маркс и Энгельс доказали, что логические формы и законы деятельности человека суть следствие (отражение) действительных, ни от какого мышления не зависящих законов предметно-человеческой деятельности — практики во всем ее объеме и развитии. Практика же, понятая материалистически, предстала как процесс, в движении которого каждый предмет, в него вовлеченный, функционирует (ведет себя) сообразно своим собственным закономерностям, выявляя в происходящих с ним изменениях собственную форму и меру» [12, с. 228]. Человек изменяет природу по ее собственным законам, раскрывая эти законы и опредмечивая их как в схемах своей деятельности, так и в категориальной

структуре логического мышления. «Всеобщие законы изменения природы человеком — это и есть всеобщие законы природы, в согласии с которыми человек только и может успешно ее изменять» [12, с. 228].

В отличие от мышления, понятие широко, как «рассудочная деятельность», общая для человека и животного, *разумное* человеческое мышление включает перспективу (область возможного) *изменения любого тела по его объективным внутренним закономерностям*. Именно это определяет качественно новую интеграцию и развитие умственных способностей — внимания, воображения, интуиции, — отсутствующих в рассудочной деятельности животных. Мышление — это «способность, которая позволяет видеть вещи непосредственно через призму всеобщности» [14, с. 82].

Научное мышление — это результат возвышения человеческой практики к уровню вопросов о природе и человеке, которые не могут быть разрешены методами обыденного мышления. По Э. В. Ильенкову, научно-теоретическое мышление исходно противопоставлено мифологическому и религиозному исходя из материалистической предпосылки: познание и деятельность человека соотносятся с порядком природы и движутся по единым с нею законам. Сообразование природы и научного мышления может быть выстроено только на рефлексивных диалектических принципах. «Иными словами, специфически человеческое мышление вообще начинает свою действительную историю лишь там, где имеет место не только мышление “о внешнем мире”, но и “мышление о самом мышлении”» [14, с. 66].

Разумность научного мышления проявляется в отделении того, что нам кажется, от того, что существует

объективно. Поэтому ни философия, ни наука на эмпирической точке зрения «стоять» (строиться) не могут, «ибо научное мышление как раз и заключается в разоблачении иллюзий бессмысленного эмпирического опыта», как убежден Э. В. Ильенков [15, с. 117]. Чистый поведенческий эмпиризм мы находим у животного (тезис Г. Лейбница). Принципиальным в этом вопросе является положение Ф. Энгельса об общности рассудочной деятельности человека и животных, а именно основных ее видов: индукции, дедукции, абстрагирования, анализа, синтеза и эксперимента. Различия для человека сводятся лишь к большей степени развития их использования [16, с. 537]. Однако Э. В. Ильенков ищет здесь различие качественное: «...человеческое мышление кладет принципиальную грань между собой и предшествующими ему формами психической деятельности только там и именно там, где оно само себя — формы своей собственной работы — превращает в особый предмет внимания и исследования. Иными словами, там, где процесс мышления становится сознательным актом, ставится под контроль выявляемых самим же мышлением норм — логических категорий» [14, с. 67]. До этого можно говорить лишь о формах психики, образующих доисторическую предпосылку человеческого мышления.

Новый вектор исторического развития мышления, открытый Э. В. Ильенковым, — преобразование здравого смысла (рассудка) и всей умственной деятельности человека через выработку разумной всеобщей формы. *Рассудок* неспособен понять диалектическую связь предметов. Это мышление, привыкшее к строго однозначному определению вещей: это — зерно, а это — хлеб; это — день, а это — ночь. Оно фиксирует образы разными словами, терминами,

и поэтому не видит в них ни отношений перехода, ни генетической общности. «Вещи, определенные разными словами, и представляются поэтому *разными*» [15, с. 120]. Разумное *диалектическое мышление* постигает предмет в понятии, содержание которого — не эмпирическое обобщение, а тотальность внешних и внутренних определений предмета, отображение в мысли его движения от возникновения до гибели, т. е. его превращения в свое иное. Выявление таких переходов предмета — например, живого организма, товарно-денежной формы, философской мысли — составляет теоретическую предпосылку научного метода. Логический мыслительный процесс есть верно понятое историческое развитие предмета, а всеобщим законом развития выступает восхождение от абстрактного к конкретному.

Теория мышления, представленная в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Э. В. Ильенкова, — плод развития единой точки зрения на предмет. Значение работ Л. С. Выготского заключено в обоснованном отказе от попыток объяснить высшие психические функции как свойства индивида. Выяснение социально-исторической природы человеческой психики есть главное преимущество Л. С. Выготского в плане развития психологии, по мнению Э. В. Ильенкова [17, с. 394]. Представление о телесном индивиде, — пишет Э. В. Ильенков, — это абстракция по отношению к сущности человека [10, с. 396]. Как живое и действующее существо индивид является элементом общественного целого. Социальное целое определяет пространственно-временные и энергетические возможности индивида, его сознание и формы мышления.

Строгого критерия для определения мышления Л. С. Выготский еще не имел: его работам присуща (свойственна)

двойственность логического и психологического понимания мышления. Деятельностный принцип как методологическое основание для объяснения искомой сущности разработал именно А. Н. Леонтьев. Действительные условия, интегрирующие психическое отражение в целостность мышления, непрерывно создаются человеком в процессе совместного производства. Формы мышления в своем строении и содержании отражают различные типы задач, соответствующие разным типам деятельности. Этот принцип получил подтверждение и развитие в экспериментальных исследованиях А. Р. Лурии, П. Тульвисте, М. Коула. Способ научного рассмотрения мышления представляет следование от культурно-исторической обусловленности мышления к выяснению материальных условий его развития, заданных производственными отношениями. Опираясь на достижения советской психологии и историко-философскую традицию, Э. В. Ильенков построил материалистическую теорию мышления в круге вопросов истории и теории познания.

Литература

1. **Выготский Л. С.** Инструментальный метод в психологии // Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский; гл. ред. А. В. Запорожец. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 103—108.
2. **Выготский Л. С.** О психологических системах // Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский; гл. ред. А. В. Запорожец. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 109—131.
3. **Выготский Л. С.** Мышление и речь // Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский; гл. ред. А. В. Запорожец. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5—361.
4. **Выготский Л. С.** Педология подростка // Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский; гл. ред. А. В. Запорожец. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 5—242.
5. **Брушлинский А. В.** Культурно-историческая теория мышления: Философские проблемы психологии. М.: Высшая школа, 1968. 104 с.
6. **Розин В. М.** Мышление: сущность и развитие: концепции мышления, роль мыслящей

личности, циклы развития мышления. М.: Ленанд, 2015. 368 с.

7. **Леонтьев А. Н.** Мышление // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 514—519.
8. **Леонтьев А. Н.** Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 511 с.
9. **Ильенков Э. В.** Психология (публикация А. Г. Новохатько) // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 92—105.
10. **Ильенков Э. В.** К понятию «тело человека», «человеческое тело» // Эвальд Васильевич Ильенков: [сб.] / Под ред. В. И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2008. С. 396—408.
11. **Ильенков Э. В.** Соображения по вопросу об отношении мышления и языка // Философия и культура / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. С. 270—274.
12. **Ильенков Э. В.** Материалистическое понимание мышления как предмета логики // Философия и культура / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. С. 212—228.
13. **Куликов Д. К.** Платон и открытие идеального // Философия Э. В. Ильенкова и современность: мат-лы XVIII Междунар. науч. конф. «Ильенковские чтения» / Под общ. ред. А. Д. Майданского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 55—59.
14. **Ильенков Э. В.** Античная диалектика как форма мысли // Философия и культура / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. С. 56—100.
15. **Ильенков Э. В.** Вершина, конец и новая жизнь диалектики (Гегель и конец старой философии) // Философия и культура / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. С. 115—141.
16. **Энгельс Ф.** Диалектика природы // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 343—625.
17. **Ильенков Э. В.** К докладу у Н. П. Дубинина // Эвальд Васильевич Ильенков: [сб.] / Под ред. В. И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2008. С. 392—395.

Поступила 27.08.2018

Куликов Дмитрий Константинович — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и мировые религии» Донского государственного технического университета (Россия, 344010, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), kuldk@mail.ru

References

1. Vygotskii L. S. Instrumental'nyi metod v psikhologii (Instrumental Method in Psychology), *Sobranie sochinenii, v 6 t.*, by L. S. Vygotskii, gl. red. A. V. Zaporozhets, T. 1, M., Pedagogika, 1982, pp. 103—108.

2. Vygotskii L. S. O psikhologicheskikh sistemakh (On Psychological Systems), *Sobranie sochinenii, v 6 t.*, by L. S. Vygotskii, gl. red. A. V. Zaporozhets, T. 1, M., Pedagogika, 1982, pp. 109—131.
3. Vygotskii L. S. Myshlenie i rech' (Thinking and Speaking), *Sobranie sochinenii, v 6 t.*, by L. S. Vygotskii, gl. red. A. V. Zaporozhets, T. 2, M., Pedagogika, 1982, pp. 5—361.
4. Vygotskii L. S. Pedologiya podrostka (Pedology of Adolescent), *Sobranie sochinenii, v 6 t.*, by L. S. Vygotskii, gl. red. A. V. Zaporozhets, T. 4, M., Pedagogika, 1984, pp. 5—242.
5. Brushlinskii A. V. Kul'turno-istoricheskaya teoriya myshleniya: Filosofskie problemy psikhologii (Culture-Historical Theory of Thinking: Philosophical Problems of Psychology), M., Vysshaya shkola, 1968, 104 p.
6. Rozin V. M. Myshlenie: sushchnost' i razvitiye: kontseptsii myshleniya, rol' myslyashchei lichnosti, tsikly razvitiya myshleniya (Thinking: Nature and Development: Conceptions of Thinking, Role of Thinking Personality, Thinking Development Cycles), M., Lenand, 2015, 368 p.
7. Leont'ev A. N. Myshlenie (Thinking), *Filosofskaya entsiklopediya, v 5 t.*, T. 3, M., Sovetskaya entsiklopediya, 1964, pp. 514—519.
8. Leont'ev A. N. Lektsii po obshchei psikhologii (Lectures on General Psychology), M., Smysl, 2000, 511 p.
9. Il'enkov E. V. Psikhologiya (publikatsiya A. G. Novokhat'ko) (Psychology (Published by A. G. Novokhat'ko)), *Voprosy filosofii*, 2009, No. 6, pp. 92—105.
10. Il'enkov E. V. K ponyatiyu "telo cheloveka", "chelovecheskoe telo" (Towards Notions of "Body of a Man", "Human Body"), *Eval'd Vasil'evich Il'enkov*, sb., Pod red. V. I. Tolstykh, M., ROSSPEN, 2008, pp. 396—408.
11. Il'enkov E. V. Soobrazheniya po voprosu ob otnoshenii myshleniya i yazyka (Considerations on Question about Thinking and Language Interrelation), *Filosofiya i kul'tura*, by E. V. Il'enkov, M., Politizdat, 1991, pp. 270—274.
12. Il'enkov E. V. Materialisticheskoe ponimanie myshleniya kak predmeta logiki (Mathematical Sense of Thinking as Subject Matter of Logic), *Filosofiya i kul'tura*, by E. V. Il'enkov, M., Politizdat, 1991, pp. 212—228.
13. Kulikov D. K. Platon i otkrytie ideal'nogo (Plato and Discovery of the Ideal), *Filosofiya E. V. Il'enkova i sovremennost', mat-ly XVIII Mezhdunar. nauch. konf. "Il'enkovskie chteniya"*, Pod obshch. red. A. D. Maidanskogo, Belgorod, ID "Belgorod" NIU "BelGU", 2016, pp. 55—59.
14. Il'enkov E. V. Antichnaya dialektika kak forma mysli (Antique Dialectics as a Form of Thought), *Filosofiya i kul'tura*, by E. V. Il'enkov, M., Politizdat, 1991, pp. 56—100.
15. Il'enkov E. V. Vershina, konets i novaya zhizn' dialektiki (Gegel' i konets staroi filosofii) (Peak, End and New Life of Dialectics (Hegel and the End of Old Philosophy)), *Filosofiya i kul'tura*, by E. V. Il'enkov, M., Politizdat, 1991, pp. 115—141.
16. Engels F. Dialektika prirody (Dialectics of Nature), *Sochineniya, v 50 t.*, by K. Marks (K. Marx), F. Engels, 2-e izd., T. 20, M., Gospolitizdat, 1961, pp. 343—625.
17. Il'enkov E. V. K dokladu u N. P. Dubinina (Towards Report at N. P. Dubinin's), *Eval'd Vasil'evich Il'enkov*, sb., Pod red. V. I. Tolstykh, M., ROSSPEN, 2008, pp. 392—395.

Submitted 27.08.2018

Kulikov Dmitrii K., Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of Philosophy and World Religions Chair, Don State Technical University (Russia, 344010, Rostov-on-Don, Gagarina square, 1), kuldk@mail.ru